

ВЕЛИКАЯ ЕВРАЗИЙСКАЯ ДЕРЖАВА В ПОТОКЕ ПЕРЕМЕН *МИССИЯ РОССИИ В XX ВЕКЕ*

АНАТОЛИЙ ТОРКУНОВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Современная мировая политика характеризуется обострением глобальных вызовов на фоне блокировки многосторонних механизмов решения международных проблем и деградации системы политико-правового регулирования. Подобное положение в значительной степени обусловлено переходом к новому этапу мирового развития, который не получил ещё адекватной концептуализации в экспертных оценках. Тем не менее ясно прослеживается разрыв с предыдущим 70-летним периодом в эволюции глобальной системы, который сам по себе был не гомогенен. При всей неопределённости современной обстановки одной из характерных черт наблюдаемого транзита выступает актуализация цивилизационно-культурной составляющей в международных взаимодействиях. На протяжении длительного времени влияние культурных различий на глобальные процессы оставалось скрытым логикой биполярной конфронтации и межгосударственного соперничества. В 1990-х годах его осознание вылилось в формулирование упрощенческой концепции «столкновения цивилизаций». Наблюдавшиеся в последующее десятилетие свидетельства в её поддержку заслонили необходимость в глубоком осмыслении реального содержания культурных кодов отдельных общностей. Между тем без его понимания реакция на возникающие социально-экономические, гуманитарные и политические вызовы приводит к последствиям, далёким от ожидаемых. В частности, без осмысления цивилизационно-культурных особенностей России невозможно анализировать её место в международной системе и логику её внешнеполитического поведения. При этом выявление специфики национального возможно только на основе сопоставления с общим, глобальным. В частности, западные аналитики нередко приписывают России в качестве её характерных черт особенности поведения, разделяемые всеми крупными державами (в том числе готовность использовать силу для отстаивания собственных интересов). При этом мифы о России подпитываются поверхностным взглядом на неё, базирующимся на распространённой на Западе априорной теории. Последняя игнорирует роль мотивов национального выживания в российской истории и политике. Вместе с тем для России характерно представление о собственной миссии, которая связывается со стремлением к установлению порядка, основанного на справедливости, в международном окружении.

Ключевые слова:

международный порядок; глобализация; «холодная война»; Россия; цивилизационный подход; политическая миссия.

Мир не стоит на месте. Происходящие перемены таковы, что подчас не поддаются адекватному осмыслению со стороны международных экспертов и аналитиков, не говоря уже о простых людях. Сегодня мы часто

не успеваем отвечать на вопросы, которые ставит перед нами международная обстановка со всеми её противоречивыми тенденциями и пока ещё скрытыми конечными смыслами. Парадоксально, но в мире, где

скорость перемещения, передачи информации, принятия технологических решений стала кардинально быстрее, чем ещё двадцать лет назад¹, становится привычным состояние нерешённости и даже нерешаемости глобальных ситуаций. Будь то на Ближнем Востоке, на Корейском полуострове, в Афгано-Пакистанском узле или на постсоветском пространстве. Похоже, что в мировой политике укореняется новый своеобразный *modus vivendi* – сосуществования с миной с запущенным часовым механизмом.

Возможно, этот феномен – обратная реакция на стратегически провальные действия Запада в Косове, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине. Действия, которые серьёзно дестабилизировали европейскую и мировую политику. Возможно, высокий уровень политической терпимости к реальным и потенциальным угрозам – это своеобразный способ обеспечения краткосрочной («здесь и сейчас») «стабильности» в ситуации безусловного примата эгоистических интересов транснациональных элит над долгосрочными интересами остального человечества². Результатом этого становится недостаток консенсуса в подходах к решению таких глобальных проблем, как, например, терроризм и миграции, помноженный на дефицит политической воли и, наверное, элементарного профессионализма.

Нужные решения не появляются, правовые документы не оформляются, ранее принятые международно-правовые нормы устаревают. А где-то в ткани международно-правового инструментария, призванного регулировать нынешние и будущие проблемы человечества, зияют лакуны. Всё это ведёт к печальному и (пока) плохо осознаваемому явлению – эрозии и устареванию международно-правовых начал в мировой

политике и к частичному возврату в неё «права силы»³. *Феномен заторможенности в реагировании мировых политических элит на негативные тенденции и вызовы, сопровождающийся процессом неуклонной деградации международного права, можно считать одним из знаковых трендов последних лет.*

1

Кардинальные перемены, которые начались в мире после 1991 года, затронули так или иначе большинство стран и регионов нашей планеты и отразились на всём спектре отношений в рамках глобального социума. Как это ни парадоксально, но в отличие от многих предшествовавших этапов в истории человечества нынешний пока ещё не вызвал сколько-либо серьёзной концептуализации. Не исключено, наверное, что это может быть своеобразной реакцией на теоретическую насыщенность внешнеполитических дискуссий 1990-х – начала 2000-х годов [Шаклейна 2002]. Однако уже к середине первого десятилетия XXI в. большинство «больших теорий» показали свою операционную непригодность и катастрофическую скорость методологического устаревания. Не исключено, что общую – позитивную либо негативную – оценку нынешнему историческому этапу давать ещё рано, ибо конечные результаты произошедших и происходящих событий проявят себя в полной мере, по-видимому, нескоро. Тем не менее становится очевидным, что к середине второго десятилетия нового века 70-летний период международных отношений, который состоял из двух стадий – «холодная война» 1940-х – 1980-х годов – и переходное время после распада Советского Союза, оказался исчерпанным [Миллер, Лукьянов 2016: 8]. Мир стоит на пороге но-

¹ О формировании новой научно-технологической среды мировой политики см.: [Крутских, Бирюков 2017].

² Проблематику стабильности без консенсуса и обеспечения базовых потребностей участников международных взаимодействий активно разрабатывал отечественный специалист А.Д. Богатуров – см., например: [Богатуров 2002].

³ Соотношение силы и права как двух основных инструментов международного регулирования рассматривалось в труде российского исследователя Ю.П. Давыдова [Давыдов 2002]. Показательно, что в последние годы к вопросам поиска баланса этих двух регуляторов стали активно обращаться западные авторы – см.: [Lake 2009; Kissinger 2014].

вой парадигмы. То, каковы будут её основные составляющие, в самых общих чертах можно определить уже сегодня.

При всей противоречивости имеющих место тенденций общественного развития на сегодняшний день более или менее чётко можно выделить одну: ставшие привычными разрывы в уровнях экономического развития различных стран и регионов активно дополняются *культурными и цивилизационными различиями*. Последние существовали всегда, однако их повседневное бытие в значительной степени скрадывалось жёсткими условиями биполярной конфронтации. Теперь нам всё чаще приходится осознать, что мировая система включает в себя не только государства с различными режимами и типами экономического и государственного устройства, но и *различные культуры и цивилизации, системы ценностей и идеологии*. К сожалению, это параллельное сосуществование культур, которое далеко не всегда заканчивалось миром, на первый взгляд должно было бы подтверждать мрачноватые тезисы С. Хантингтона о «войне цивилизаций» [Хантингтон 2003]. На этом основании сегодня с достаточной долей объективности можно выявить присутствие «кумулятивного эффекта» в мировой политике. Вековая борьба имущих и неимущих (или, иными словами, «золотого миллиарда» и всех прочих) начинает дополняться противостоянием по линии цивилизационных сообществ, в котором имущественные факторы порой уже не имеют решающего значения.

История международных отношений, особенно история XX века, даёт немало примеров того, как противоречия несовместимых ценностей и идеологий порождали конфликты политические, а эти последние часто перерастали в вооружённые столкновения и войны. Собственно, и Вторая мировая война, и последовавшая за ней «холодная война», постоянно выливавшаяся в многочисленные локальные вооружённые стол-

кновения на периферии биполярной международной системы, были порождены в основе своей столкновением принципиально несовместимых идеологий, антагонистических ценностей и общественных систем. В то же время чем теснее стягивается узами глобализации в единое целое комбинация традиционных обществ и обществ, которые входят, по сути дела, в постмодернистский период развития, тем, очевидно, более опасным будет становиться грядущий мир⁴.

Неурегулированные региональные кризисы и конфликты; нищета и отсталость, поразившие обширные регионы; неизбежные издержки модернизации; массовые миграции населения; подъём экстремистских движений; распространение оружия массового уничтожения; во многом ещё неясные и потенциально опасные последствия научно-технического прогресса — все эти явления теперь необходимо исследовать не только с привычной социально-экономической точки зрения, но и имея в виду *цивилизационно-культурные различия* стран и регионов, которые по большому счёту всегда определяли специфику их развития.

2

Сказанное выше, казалось бы, не должно оставлять сомнений в том, надо ли вообще изучать что-то «давно прошедшее»? Не секрет, что для большинства молодых людей даже относительно недавно закончившийся XX век, не говоря уже о более ранних эпохах, является глубоко архаичным! Но история — это *непрерывный процесс*, и любые попытки постижения её отдельными изолированными друг от друга «кусками» (что более характерно, кстати, для *западноцентричного* образа мышления в отличие от восточного) всякий раз приводят нас к искажённому восприятию реальности. Любая более или менее адекватная оценка современной ситуации с необходимостью должна базироваться на фундаментальных знаниях о мире, своей стране, её прошлом и настоящем. Сегодня обозначается задача формирования

⁴ Совмещение в современном мире архаики и инноваций нашло отражение в концепции анклавно-конгломеративной организации мира — см.: [Богатуров, Виноградов 2002].

такого типа социально-политического и исторического знания, которое с высокой степенью достоверности отражало бы весь богатейший и очень разносторонний исторический и культурный опыт государств и народов. Сказанное в полной мере относится и к изучению опыта России.

Мало кто может подвергнуть сомнению влияние событий, происходивших в этой стране, на всю историю XX столетия и на практически все, даже самые удалённые от нашей страны государства и народы Земли. Равным образом мало кто, за исключением разве что кучки безответственных авантюристов, возьмёт на себя смелость отрицать роль и значение России для современного мира, её влияние на решение региональных кризисов, на поддержание глобального стратегического баланса сил, на её участие в поддержании международного мира и безопасности. Однако стоит признать, что сами россияне демонстрируют, если судить по некоторым общественным дискуссиям, порой весьма скудные знания об истории и цивилизационной идентичности своей страны. Что уж тут говорить об иностранцах! Очень и очень многие довольно смутно представляют себе логику многовекового существования великой евразийской державы в потоке глобальных исторических трансформаций.

Плюрализм мнений, без которого невозможно никакое поступательное социально-экономическое развитие, сам по себе ещё не может гарантировать нам всей полноты понимания самих себя и окружающего нас мира. Люди недостаточно знают, как устроена и функционирует современная международная система, в которой взаимодействуют глобализм и параллельно, рядом с ним — страновые, региональные, локальные и иные сугубо *национальные* формы развития. Иногда и глобализм, и национализм *веками* сосуществуют внутри отдельных стран и веками же не сливаются и не унифицируются в однородный уклад, порождая кризисы и крупные международные конфликты (хороший пример — вступление России в Первую мировую войну). Это существенно влияет на международное позиционирование соответ-

ствующих стран, их поведение на мировой арене, а через него — и на состояние глобальной системы вообще. Вот почему нам так важен сегодня *широкий интеллектуальный и высококонцептуализированный многосторонний диалог* — по-настоящему глобальный, открытый и дружественный, основанный на *сопоставлении*, а не на противопоставлении ценностей и не перегруженный политической предвзятостью.

Понимание позиции другой стороны — это необходимое условие для любого конструктивного диалога. В отличие от периода конца XX и первых лет XXI столетия понятие *государственного суверенитета* сегодня вновь начинает обретать некогда, казалось бы, утраченную силу, а национальные формы развития получают приоритет над глобальными. Представление о глобализации как о победном шествии по планете либерально-демократического мироустройства, тяготеющего к всеобщему фритредерству, зримо потускнело под влиянием международных реалий. Сценарий «интеграции интеграций» постепенно перешёл в сферу благих пожеланий, попытка преждевременной реализации которых, как было сказано, «может иметь опасные последствия» [Ефременко 2016: 41]. Стоило бы задать вопрос: какое государство из числа «ведущих»: Россия, США или Китай, готово поставить решение ключевых вопросов своей безопасности в зависимость от позиции ООН или своих союзников? Другой не менее закономерный вопрос: какая из этих стран откажется от использования военной силы для обеспечения собственной безопасности в случае, когда иные механизмы окажутся малоэффективны?

Практика, между тем, убеждает, что понимание таких, казалось бы, элементарных вопросов оказывается достижимым далеко не всегда, поскольку бывает осложнено рядом не только конъюнктурных, но и исторически, и цивилизационно обусловленных напластований. В целях установления широкого международного диалога необходимо гармонизировать стратегические установки таких государств, поскольку им совместно предстоит противостоять всему спектру угроз, типичных для начала XXI века.

З

Если взглянуть на карту России глазами западного обывателя, мало или совсем не знакомого с реалиями российской истории, то отчасти станет понятно, почему пропаганда некоторых западных СМИ и тех аналитиков, которые не заинтересованы в хороших отношениях с нашей страной, попадает на благодатную почву. По-прежнему (даже после распада СССР!) самая большая в мире страна, которая раскинулась на просторах Евразии на целых 11 часовых поясов, как какой-то гигантский ледник нависает над «беззащитной» Европой, угрожая «якобы» безопасности и благополучию её обитателей. Иначе говоря, уже сами размеры и географическое положение России делают её наиболее удобным кандидатом для запугивания западного обывателя с тем, чтобы раз за разом обеспечивать его гарантированное согласие на всевозрастающие военные расходы, присутствие на европейской земле американских войск, расширение НАТО на восток, размещение в странах Центральной и Восточной Европы элементов американской ПРО, согласие с политикой санкций. С этой точки зрения следует признать, что разоблачение исторических мифов, накопившихся в отношении нашей страны, — задача сама по себе трудная, ибо «верит тот, кто хочет верить». Стоит, однако, прислушаться к мнению некоторых авторитетных западных историков, чтобы начать менять это поверхностное представление.

Историю и внешнюю политику России можно понять, если принимать в расчёт элементарные *интересы безопасности* страны, раскинувшейся на гигантской, лишённой естественных границ континентальной равнине. Об особой озабоченности России интересами безопасности писал, как известно, в своей «Длинной телеграмме» Дж. Кеннан [Kennan 1991]. На это же указывают сегодня и такие авторитетные британские историки, как Р. Мэсси, Ф. Лонгворт и П. Хопкирк. Не

стяжательство заморских благ и не сверхзадача во что бы то ни стало обратить туземцев в свою веру, а интересы элементарного *выживания нации* заставляли русских осваивать бескрайние просторы Сибири и распечатывать выходы к Балтийскому и Черному морям, к Тихому океану, раздвигать границы в Центральной Азии. Не случайно Ф. Лонгворт применительно к этой политике предпочитает говорить именно об «освоении», а не о «колонизации», подчёркивая, что «русские были свободны от чувств национального превосходства и расовых предрассудков». Весьма показательны, что основу нынешних противоречий между Россией и Западом этот британский автор видит в попытках применения последним своих собственных априорных теорий к «непонятным для него стране и народу» [Longworth 2005: 135, 322].

Среди западных историков, попытавшихся избежать поверхностных обобщений, можно назвать и историка «Большой игры»⁵ П. Хопкирка. «В конце концов, — писал он, — Россия не делала ничего, чего не делали бы остальные европейские державы. Так же, как Балтика была ахиллесовой пятой России в её противостоянии с Англией, слабым местом Британии являлась Индия. Создание Россией опорных пунктов в Центральной Азии просто укрепляло её переговорные позиции» [Hopkirk 2006: 315]. Спросим себя откровенно: могла ли политика великой евразийской державы в век «классического империализма» быть *неимпериалистической*? Может быть, и могла бы, но тогда Россию — многонациональную и мультиконфессиональную страну, обладательницу богатейших природных ресурсов, наверняка ждала бы участь терзаемых Западом когда-то могучих империй Востока: Индии, Китая и Персии. В этом случае человечество наверняка лишилось бы того вклада, который она внесла в развитие мировой культуры и науки в XIX и XX веках. А главное — тогда исчезла бы великая конструктивная сила, которая

⁵ Трактовка знаменитого англо-русского противостояния в Азии этим известным британским историком наводит на мысль о том, что «Большая Игра» имела своим продолжением в XX веке «холодную войну», а далее — «перестройку», «перезагрузку» (она же «перегрузка») и нынешние противоречия между Россией и «Англо-Америкой».

последовательно выступала за мир (в частности, инициировав первую и вторую Гаагские конференции мира) и держала на себе европейский баланс сил вплоть до начала Первой мировой войны.

Сейчас, как и в год произнесения У. Черчиллем печально знаменитой «Фултонской речи», многие западные лидеры демонстрируют поразительное отсутствие стратегической эмпатии — способности войти в положение России и понять её озабоченность своей безопасностью. Тогда вместо послевоенного сотрудничества с Советским Союзом Запад, попытавшийся применить к нему свои априорные представления, получил «холодную войну». Между тем сам Черчилль, как дальновидный политик, видимо, понял, что зашёл слишком далеко, и попытался смягчить звучание своей речи. На закрытых брифингах для журналистов он подчёркивал, что вовсе не имел целью бросить враждебный вызов советскому народу. Через несколько лет он, снова став премьер-министром, тщетно пытался добиться новой встречи «в верхах», написав в послании советскому руководству от 4 июля 1954 года, что единственной её целью будет «найти разумный способ жить бок о бок в обстановке растущего доверия, разрядки и благополучия». К сожалению, потребовалось пройти через новые опасные кризисы и конфликты, чтобы обе стороны поняли тупиковость «холодной войны» и пришли к пониманию необходимости детанта. От катастрофы спасла не только взаимная сдержанность, но и простое везение.

Отсутствие диалога и попыток понять друг друга порождает привлекательные своей «простотой», но ложные и, к сожалению, устойчивые стереотипы. Ведь даже знаменитая «Доктрина Брежнева» — это конструкт из цитат, недомолвок и домыслов. Во всяком случае, она никак не способна быть олицетворением смысла и направления внешней политики СССР. Если согласиться с суждением Н. Бердяева о том, что Россия — это «мессианская страна», то, вспоминая 70-летнее существование СССР, наверное, придётся согласиться и с другим нашим мыслителем — П.Я. Чаадаевым, который считал, что миссия России — это

«преподать какой-то великий урок миру» [Чаадаев 1991: 32]. Урок «от противного?» — спросим мы, памятуя о печальной судьбе Советского Союза. — Нет, не только! Современный мир унаследовал институциональную систему, рождённую в период «холодной войны». Систему, которую создавал могучий СССР. Именно она помогает сегодня поддерживать мир в условиях обострения международной обстановки. Именно этот институциональный потенциал, унаследованный Россией от бывшего Советского Союза, в частности место постоянного члена Совета Безопасности ООН, не позволил ей упасть во «второй эшелон» мировой политики. А такое падение было бы чревато непоправимыми последствиями.

* * *

Международную безопасность как глобальный режим трудно представить без России. Гипотетическое изъятие нашей страны из него привело бы к обвалу всех многосторонних договорённостей в сфере оружия массового уничтожения. Усилия по противодействию международному терроризму оказались бы недостаточными или попросту ничтожными без вклада Москвы. Наша страна является одним из центров полицентричного мира и никогда не переставала им быть — даже после распада Советского Союза. В этой связи, говоря о той миссии, которую несёт Россия через времена, эпохи, политические системы и нравы, нужно вспоминать не столько П.Я. Чаадаева, сколько Ф.М. Достоевского.

В своей знаменитой «речи о Пушкине» наш великий соотечественник сказал о том, что «назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное» и что «стать настоящим русским будет значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно» [Достоевский 1983: 399–400]. Наверное, понятие «универсальной справедливости» присуще нашему менталитету как никакому другому. Без учёта этого обстоятельства и того, что наша «всемирная отзывчивость» порой обходилась нам дорого (Афганистан), нельзя правильно усвоить смысл внешней политики

СССР в XX веке. Какими жалкими в таком случае представляются попытки некоторых западных политиков поставить на одну доску советский коммунизм и германский нацизм!

Советская, как её называют теперь, «империя» была, в сущности, «империей наоборот»: вместо того чтобы отбирать чужое, она по большей части предпочитала отдавать своё, чем, наверное, и приблизила свой конец. Не стоит забывать, однако, что

с попытками реализации этой поистине глобальной миссии были связаны не только провалы, но и великие достижения нашей Родины: победа над нацизмом и покорение космоса, вклад в поддержание всеобщего мира и в ликвидацию колониализма, в сокращение оружия массового поражения и в глобальную постановку вопроса о социально-экономическом наполнении понятия «права человека».

Список литературы

- Богагуров А.Д.* Динамическая стабильность в международной политике // Очерки теории и прикладного анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 145–171.
- Богагуров А.Д., Виноградов А.В.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток–Запад–Россия: Сборник статей. К 70-летию академика Нодари Александровича Симония. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.
- Давыдов Ю.П.* Норма против силы: Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. 285 с.
- Достоевский Ф.М.* Искания и размышления. М.: Советская Россия, 1983. 462 с.
- Ефременко Д.В.* Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. №6. С. 28–45.
- Крутских А., Бирюков А.* Новая геополитика международных научно-технологических отношений // Международные процессы. 2017. Т. 15. №2 (49). С. 6–26.
- Миллер А.И., Лукьянов Ф.А.* Отстранённость вместо конфронтации // Россия в глобальной политике. 2016. №6. С. 8–27.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Pro et contra. 1997. Весна. С. 114–147.
- Чаадаев П.Я.* Избранные сочинения и письма. М.: Правда, 1991. 556 с.
- Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 445 с.
- Hopkirk P.* The Great Game. On Secret Service in Central Asia. London: John Murray, 2006. 566 p.
- Kenan G.* Long Telegram // Origins of the Cold War: the Novikov, Kennan, and Roberts "long telegrams" of 1946 / ed. by K.M. Jensen. Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 1991. P. 19–31.
- Kissinger H.* World Order. N.Y.: Penguin, 2014. 420 p.
- Lake D.* Hierarchy in international relations. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 232 p.
- Longworth Ph.* Russia`s Empires. Their Rise and Fall: From Prehistory to Putin. London: John Murray, 2005. 416 p.

GREAT EURASIAN POWER IN THE STREAM OF CHANGES

MISSION OF RUSSIA IN THE 20TH CENTURY

ANATOLY TORKUNOV

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

The world politics of the age is characterized by the sharpening of the global challenges and at the same time blockage of many of the multilateral mechanisms, providing international decision making as well as by deterioration of legal framework of the political orders. These conditions are too much extent a product

of the transition to the new stage of globalization, which has not received relevant conceptualization in scholarly assessments. However, the departure from previous 70-years period in the evolution of the global system is quite visible (although, the latter was not homogeneous either as it included at least two major sub-periods). Despite the high uncertainty of the current global trends, one of its identifiable characteristics becomes the rise of cultural and civilization dimension in global discrepancies. In the previous period the impact of culture on international politics was masked by the conditions of bipolarity and interstate rivalry. In the 1990s its growing acknowledgement manifested itself in a simplified model of the “Clash of Civilizations”. The evidences in favour of this concept precluded deep thinking regarding the real cultural codes of individual societies. Meanwhile, without such in depth understanding unprepared reaction to the social, economic, humanitarian and political challenges leads to the consequences which are far from expected. For example, without analysis of the civilization and cultural roots of the Russian society it is difficult to assess the place of the Russian state in international system and patterns of its behavior. The study of national features of individual societies, however, could be productive only when they are compared with more general regularities. In this regard, the Western analysts often attribute Russia some patterns which are shared by all major powers (including the eagerness to protect its interests by force when it is perceived necessary). The myths about Russia are often supported by an unsophisticated approach, built upon the mirror vision of the West. It ignores the motives of national survival in Russian history and politics. Meanwhile, Russian view of the world is also guided by its messianic perspective, which associates Russian contribution to the international order with the concept of justice.

Keywords:

international order; globalization; Cold War; Russia; civilizational approach; political mission.

References

- Bogaturov A.D. (2002). Dinamicheskaya stabil'nost' v mezhdunarodnoj politike [Dynamic Stability in International Politics]. *Ocherki teorii i prikladnogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenij*. Moscow: NOFMO. P. 145–171.
- Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. (2002). Anklavno-konglomeratnyj tip razvitiya. Opyt transsistemnoj teorii [Anclave-Conglomerate Type of Development. The Record of Transsystemic Theory]. *Vostok-Zapad-Rossiya*. Moscow: Progress-Traditsiya. P. 109–128.
- Chaadaev P.Ya. (1991). *Izbrannye sochineniya i pis'ma* [Selected Writings and Letters] Moscow: Pravda. 556 p.
- Davydov Yu.P. (2002). *Norma protiv sily: Problema miroregulirovaniya* [Norm against Force: the Issue of Global Governance]. Moscow: Nauka. 285 p.
- Dostoevskij F.M. (1983). *Iskaniya i razmyshleniya* [Quests and Thoughts] Moscow: Sovetskaya Rossiya. 462 p.
- Efrmenko D.V. (2016). Rozhdenie Bol'shoj Evrazii [The Birth of a Greater Eurasia]. *Rossiya v global'noj politike*. No. 6. P. 28–45.
- Hopkirk P. (2006). *The Great Game. On Secret Service in Central Asia*. London: John Murray. 566 p.
- Huntington S. (1997). Stolknovenie tsivilizatsij i pereustrojstvo mirovogo poryadka [Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. *Pro et contra*. 1997. Spring. 3. 114–147.
- Kennan G. (1991). Long Telegram. In Jensen K.M. (ed.) *Origins of the Cold War: the Novikov, Kennan, and Roberts "long telegrams" of 1946*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace. P. 19–31.
- Kissinger H. (2014). *World Order*. N.Y.: Penguin. 420 p.
- Krutskikh A., Biryukov A. (2017). Novaya geopolitika mezhdunarodnykh nauchno-tekhnologicheskikh otnoshenij [New Geopolitics of International Scientific and Technological Relations] *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 15. No. 2(49). P. 6–26.
- Lake D. (2009). *Hierarchy in international relations*. Ithaca: Cornell University Press. 232 p.
- Longworth Ph. (2005). *Russia's Empires. Their Rise and Fall: From Prehistory to Putin*. London: John Murray. 416 p.
- Miller A.I., Lukyanov F.A. (2016). Otstranyennost' vmesto konfrontatsii [Separation instead of Confrontation]. *Rossiya v global'noj politike*. No. 6. P. 8–27.
- Shakleina T.A. (2002). *Rossiya i SSHA v novom mirovom poryadke. Diskussii v politiko-akademicheskom soobschestve Rossii i SSHA (1991–2002)* [Russia and the USA in the New World Order. Discussion in Political and Academic Communities of Russia and the USA (1991–2002)]. Moscow: Institut SSHA i Kanady. 445 p.